

Семь дней у порога

Оксана Романова

Семь дней у порога

«Автор»

2026

Романова О.

Семь дней у порога / О. Романова — «Автор», 2026

Евдокия как назначила себя виноватой в распаде семьи , так и несет этот крест уже 40 лет. Её внучка Алёна всю жизнь пытается стать «нормальной», но понимает, что сильно недобирает для этого ресурсов. Они обе намерены всё исправить. Обе решают действовать. И тут Евдокия бесследно исчезает. Следствие, погони, высокие ставки и семейные проклятия. Несколько дней, за которые может рухнуть всё, что они считали правдой. «Семь дней у порога» – роман с элементами мистики о том, как мы пытаемся починить то, что не в нашей власти, и о цене этой попытки.

© Романова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Оксана Романова

Семь дней у порога

Глава 1

Пропавшая.

На восьмидесятом году жизни Евдокия Спицына вдруг стала человеком. Сирота, агроном, крановщица, старуха и вот: «Помогите найти человека», – листовки на столбах не дадут соврать. Ищут Евдокию с милицией, то есть с полицией.

Пропала она не сразу и не вся. Прихожанки в местном храме точно помнили, что еще в пятницу она была здесь и о чем-то советовалась с батюшкой. Потом попросила старуху Агриппину подменить её на субботнем дежурстве по кухне: мол, собралась съездить в Каргинск, областной центр. И вроде бы даже еще в воскресенье звонила кому-то – просила жилетку ее рабочую прибрать. Жилетка и сейчас висит на гвозде у входа в трапезную, как и платок её, а вот остальной Евдокии нет.

В понедельник в храм приехал следователь, и не один, а с внучкой Евдокии, Алёной. Алёна всё сердилась и разговаривала нервно. Хотя и учла, что в храм входят покрытыми, и платком повязалась, но – бабки переглянулись – через порог шагнула, не крестясь.

Батюшку о чем-то расспрашивали, потом вышли во двор и объяснили, что, если Евдокия и была в Каргинске, то ее там никто не видел, и она там не осталась, а обратно в Силикатный – не доехала. Вопросы задавали. Попросили помочь с листовками: раздать, расклеить в городе. Помогли, конечно. Евдокию в храме знали давно. Была она работящая, исполнительная, ничем не примечательная. А теперь вон как прославилась.

И Бог её знает, где она теперь?

Глава 2

«Баба Дуся!» Алёна резко села в кровати. Нет, ей это не приснилось, всё было: и пропажа, и заявление в полицию, и встреча с поисковым отрядом. Тянувшее чувство пустоты и тоски шевельнулось где-то в животе. Бабушку она любила.

Она вспомнила, как в детстве её брат поссорился с мамой, и сбежал из дома. Записку оставил: «С ментами меня не ищите – не найдете». Вот тогда впервые появилось это тянущее чувство в животе. К тоске прибавлялось бессилие: что было делать, непонятно. Тем более – что делать лично ей, Алёне, тринадцатилетней? Тем же вечером они с мамой смотрели телевизор, а её изнутри колола мысль: «Как может весь мир продолжать крутиться, и по телеку показывать всё то же, что обычно, когда у них тут – такое?» И как они сами могут спокойно сидеть и смотреть в экран? Брат тогда нашелся через сутки, пришел сам. А реакция на беду зафиксировалась — нашла себе место пониже желудка, и затаилась.

Сейчас Алёне было тридцать шесть. Она жила одна в съемной квартире, которая ей не нравилась. Так уж выходило, что когда была пора менять жилье, ей всегда было жаль денег на то, что получше и поуютнее. Просто – из самых дешевых выбирала наименее противное. А потом словно бы и переставала замечать окружающую убогость. Вот и люстра в кухне как-то подозрительно болтается, вот-вот упадет. Линолеум задирается по всей квартире, бросили его как попало поверх дощатого пола, не подогнали толком, столько грязи под него забивается.

«Образование – высшее, обстановка – церковно-приходская, маргинальная». Хорошо хоть, что этого никто не видит. А то бы она со стыда сгорела.

И почему денег на себя всегда жалко? Точнее: почему денег жалко, а себя нет?

«Не научили нас себя-то жалеть» – поддразнила Алёна саму себя.

Это как раз бабдусина фразочка.

- Неласковые мы. Не научили нас...

- Не научили семью-то держать...

- Ума-то нет. Не научил никто...

Чего нихватишься – ничему не научили. А кто учить-то должен был? Алёна не знала. Но о прямом сходстве с бабушкой думать было неприятно.

К бабкиной манере относиться к себе Алёна чувствовала брезгливость. Ну в самом деле – нельзя же так унижаться. Перед кем? Да в том-то и дело, что не перед кем, а просто так, без мучителя, в пространство.

Да нет, не похожи они! Вот только на прошлой неделе очередной спор вышел.

- Это я, я во всём виновата. Простите меня...

- В чем? В чем ты виновата?

- В том, что вы у меня такие...

- Какие? Ну какие?! Плохие?

- Нет, самые лучшие...

- Так что ж ты всё воешь-то по нам?

В Силикатный Алёна приезжала редко и исключительно ради Евдокии. Она уехала отсюда сразу после школы и ни разу не пожалела. Этот странный тупиковый город давно был для нее чем-то вроде компьютерной игры, где и люди ненастоящие, и всё остальное – только лишь нарисованное, а на самом деле давно не существует. Но раз в полгода она выезжала из Картинска в Силикатный. Не для радости общения, её Алёна давно не ждала. А просто – надо. Бабушка все-таки.

Разговор же между ними происходил всегда примерно одинаковый.

- Как дела-то у тебя?

С первого же вопроса в глазах Евдокии – предчувствие трагедии и приглашение. Мол, не таи, не жалеяй меня, Расскажи мне всю жизнь твою горькую. Раньше Алёна сомневалась – может, и правда какая беда у нее, а она и не замечает? Но со временем научилась отвечать коротко и нейтрально:

- Нормально всё, хорошо.

Это, конечно, не помогало. Сценарий драмы запускаться неизбежно:

- Все вы у меня... одиночки по жизни...

Градус страдания и жалости в голосе бабки крепнет. Таким голосом говорят, когда трудно сдерживаться, когда вот-вот заплачут, запричитают, завоют и – рухнут на грудь покойнику, например.

Вообще Алёна не знала, одиночка она или нет. Но со слов бабушки выходило, что это вроде как дело решённое, причем решённое уже давно. Песню: «Вы у меня одиночки», – Евдокия впервые запела не сейчас, а тогда, когда Алёне ещё и двадцати не было. Будто заговор читала. Что ж, вроде подействовало: Алёна и правда одна.

Кульминация. Вот вечно она так: соберет лицо в куриную жопку, губы сожмет и трясётся вся:

- Это я, я во всём виновата...

- Баба, ну сколько можно?! В чем ты опять виновата?

- Это я Красовского из дома выставила, а надо было терпеть, надо было! Не сохранила семью, не сберегла, оттого и вы у меня такие...

Про Красовского – своего деда-авантюриста, Алёна знала немного. Видела его в старых фотоальбомах – кепка на затылке, майка и фуфайка. Смазливый, глаза острые, видно, что не дурак, и что человек себе на уме. Знала, что встретились они на целине, знала, что пил. Пил до чертей в глазах, до белой горячки. Знала, что в 1970-м году он уехал из дома, вроде бы на строительство завода-гиганта КамАЗа и домой больше не вернулся. И ходит с тех пор легенда: мол, было дело, возвращался он, и вроде бы окликнул Евдокию на улице. Но не признала она его тогда, а он не стал настаивать, растворился в пространстве, на этот раз – навсегда.

Пятьдесят лет назад это было, пятнадцать из них Алёна слышит эту историю. Столько можно было в жизни поменять. Но нет.

- Баба ну ты же сама говоришь – он пил как чёрт! А жить с алкашом нельзя, ну нельзя!

Алёна не выдерживала. На неё накатывал приступ бессильной ярости. Хотелось наброситься с кулаками. Она начинала орать, как и в этот раз:

- Вот знаешь что? Ты говоришь: Одиночки. А какой смысл множить вот это, виноватость эту? Ты виновата? Так у тебя было пятьдесят лет, чтобы что-то исправить. Всё исправить! Пятьдесят! Но нет – лучше мы будем сидеть и выть. Баба, ну это же дурость! И мне ты того же желаешь?

Евдокия покаянно кивает, кивает, кивает, и переходит на шёпот:

- Это я, я... Простите меня...

Слезы в два ручья текут у неё по щекам. И видится Алёне в этом что-то жуткое, какое-то упоение, что ли. Или всё-таки показалось?

Надолго в бабушкином доме Алёна не задерживалась. Тем же вечером, шагая пешком до автовокзала, она снова не могла понять: это же она проявляла агрессию, она кричала на беззащитную старушку. Отчего же именно она чувствует упадок и раздавленность? Будто ее с размаху шваркнули лицом о бетонную стену. Снова протащили по тому же сценарию, а ведь она обещала себе – не влезать в этот разговор. Но как ни начни – конец всегда один и тот же.

- Это я, я...

Ох, баба Дуся, ты прощенья просишь или доказать что-то хочешь?

Глава 3

А вообще всё это очень не вовремя. И без этого всё висит на волоске. Именно сейчас одновременно должны сойтись сразу несколько судьбоносных событий в жизни Алёны – тех, к которым она идёт вот уже несколько месяцев.

Во-первых, она рассчитывает на повышение. Уже несколько лет она работает в своём департаменте и когда зашла речь о его расширении, то закономерно, что новый отдел, пусть даже из двух человек, пусть даже формально, но кто-то должен возглавить, а это – статус, а это – повышение зарплаты. Алёна очень рассчитывала, что своё внимание начальство обратит на неё – она всегда работает честно, её тексты всегда хвалят, все знают, что пишет она отлично.

Но тут было препятствие, главное, как считала Алёна, – лучезарная Оля Каплевич, её коллега по отделу.

Алёна никак не могла определиться в своем отношении к Оле. С одной стороны, ничего плохого эта Каплевич ей не сделала. С другой – по сравнению с ней Алёна всегда казалась себе откровенно тяжеловатой. У той всё как будто получается с первого раза, и работать ей никогда не сложно: пока Алёна мучительно крутит фразы и слова, подолгу сидит на текстах – у той уже всё готово. И всё время-то она улыбается, и зубы ровные, и курносый носик при этом так очаровательно морщится, и хохочет звонко – с начальством, с клиентами. Зарплаты у них одинаковые, а одевается Оля в сто раз лучше – ясно, кто-то ещё денег дает. Ещё и на пару лет младше. И худющая еще такая, как назло, хотя Алёна сама видела в корпоративной столовой: ест Оля всё то же самое, что и все. Вот и вчера, как ни в чем не бывало – хотела подсесть со своим подносом к Алёне, пришлось сделать вид, что место занято. Улыбается, комплимент сделала, на подносе оладушки. Сама милота. И главное – нету от неё этого флёра притворства, видно, что она на самом деле такая – приятная, искренняя, настоящая. Не бука и не подлиза. С ней даже поссориться невозможно, повода нет. А значит легитимно свой гнев наружу никак не выпустить. Всем Оля нравится, и потому – страшно мешает Алёне жить. Алёна-то не такая. Не такая, и даже притвориться такой не смогла бы. Сегодня Алёна увернулась от неё в столовой – так та к начальнику департамента за стол порхнула, щебечет с ним по-свойски, никакой субординации.

Ну очевидно же, что шансов у Алёны мало. Что перебьёт её Оля, если зайдет речь о повышении. Алёна пишет хорошо, но когда ей это помогало? В школе была отличницей – и что? На медляки приглашали не её, а примадонн школьного театра, ну и ещё – тех девочек, кто во дворе с этим же пацанами гуляли, пока такие, как Алёна, по музыкалкам пропадали.

Не добавляет старание очков, хоть убейся, а вот здоровье портит.

Глава 4

«Ну вот зачем это Оле?» – тяжело вздыхает Алёна. У неё ведь и так всё есть. Ей что, мало? Ей ведь даже деньги не так нужны: у неё муж есть, папа квартиру купил. Поэтому и одевается Оля лучше – не надо платить за аренду, не надо тратить на еду, муж купит. Знай только шмотки дизайнерские выбирай и радуйся жизни. Только ведь никто не посмотрит на истоки её весёлости и Алёниной хмурости, обратят внимание только на то, что на поверхности. Повысят её, а Алёну задвинут. И будет Оля ещё веселей, а Алёна уйдет в депрессию.

Вот была бы она такая – и у неё тоже бы всё было, и даже больше. Она ведь умнее Оли и талантливее, это же очевидно. Если бы у них был одинаковый старт – тепличные условия большого города, полная семья, материальный достаток, образованность в нескольких поколениях, и главное – вот эта спокойная уверенность в себе, расслабленность, сытость – она бы смогла подняться куда выше. Без этого голода в глазах, комплекса провинциальности, этой забитости и вечной ревности к благополучным местным – проще сойти за свою.

Так думала Алёна, по привычке накручивая себя.

И однажды решила так: если приличные исходные данные не выдали при рождении, значит, их надо поправить. Своей рукой выковать себе счастье.

Прежде всего – немного похудеть. Это точно ей под силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.